

Оказывается, этот парень уже обо всём догадался?

Юй Шанчжи пристально посмотрел на Ван Сяюю. По всем правилам он не имел права разглашать диагноз пациента. Но ведь перед ним стоял не посторонний человек, а, скорее всего, жертва.

Достаточно вспомнить, как Тан Вэнь, узнав, что его пришёл лечить лекарь из деревни Селю, с самого начала ни разу не поинтересовался судьбой Ван Сяюю. Лишь одно заботило его - вылечат ли его самого. Даже словом не обмолвился о человеке, с которым был обручён. Этого было достаточно, чтобы понять, с каким подлым, безответственным типом они имеют дело.

Юй Шанчжи помедлил, переглянулся с Вэнь Ецаем и, наконец, заговорил:

— Да, я был в деревне Шуймо у Тан Вэня. Болезнь у него...

Открывать другому человеку столь горькую правду - поступок жестокий. Но Юй Шанчжи решил, что не может молчать. Пусть хотя бы ради того, чтобы Ван Сяюю, если он и правда оказался втянут в это, смог принять лечение.

— Цветочная хворь.

(ПП: досл. «цветок и ива», устаревшее название сифилиса и других венерических заболеваний)

Два простых слова разбили последнюю надежду в глазах Ван Сяюю. Он, крестьянский гер, прекрасно знал, что это за болезнь. Эти слова означали: Тан Вэнь грязный, а раз он прикасался к нему, то и он теперь - грязный.

Тот, кто некогда был для него как белый свет в окошке, стал сейчас отвратительнее грязи в свинарнике. Всё-таки он был младшим сыном в зажиточной деревенской семье, их дом из кирпича, с черепичной крышей. Разве он настолько уж хуже Тан Вэня, у которого до сих пор нет ни звания, ни будущего?

Вспомнились слова, сказанные Тан Вэнем в самом начале помолвки - те высокопарные признания, те стихи, в которых, как он уверял, каждое слово выражало любовь. Теперь он думал: неужели тем же самым он осыпал и своих пассий из Цветочной улицы?

Всякий раз, отправляясь в деревню Шуймо к нему, он по дороге срывал самый красивый дикий цветок и ставил его в изящную белую фарфоровую вазу на книжной полке Тан Вэня. А потом... Потом в какой-то день он не устоял перед сладкими речами, позволил прижаться себя к той самой полке и сделал то, чего ни один приличный гер перед свадьбой не должен делать.

Первая близость повлекла за собой вторую, а когда он наконец начал замечать что-то неладное, было уже слишком поздно.

Ван Сяоюй опустился на землю, весь опустошённый. Сначала он просто сидел, тупо глядя в одну точку, а потом вдруг то смеялся, то плакал, не разбирая ни смеха, ни слёз. От этого зрелища у Вэнь Ецай встали дыбом волосы. Он даже хотел было спросить Юй Шанчжи, не сошёл ли Ван Сяоюй с ума, как вдруг тот резко поднялся с земли.

Он весь был в пыли и грязи, но глаза горели пугающим светом.

Прежде чем уйти, Ван Сяоюй бросил последний, тяжёлый взгляд на Вэнь Ецай, а затем повернулся и направился в сторону рощицы. По дороге он споткнулся о сухую ветку и рухнул на землю, но тут же вскочил и побежал дальше, теперь он уже не шёл, а несся вперёд, будто спасался бегством от чего-то страшного.

Скоро его силуэт окончательно скрылся в темноте леса, и только тогда Юй Шанчжи и Вэнь Ецай словно очнулись ото сна. Они подняли головы и увидели, что уже стемнело, а в глубокой синеве загорелась первая россыпь мерцающих звёзд.

— Пошли домой, — тихо сказал Юй Шанчжи.

С наступлением темноты подул прохладный ветер. Он протянул руку, взял Вэнь Ецай за пальцы, и они вдвоём, плечом к плечу, пошли обратно по деревенской тропке. Большой жёлтый вол, привязанный под деревом, уже успел обглодать всю траву вокруг. Завидев хозяев, он громко замычал, словно жалуясь на долгое ожидание.

— Заскучал? — слабо улыбнулся Вэнь Ецай и потрепал его по лбу.

— Я поведу, — предложил Юй Шанчжи, заметив, что Вэнь Ецай поник, и сам уселся спереди.

Тот не стал спорить и молча устроился на задней лавке повозки.

Наконец добравшись до дома, они услышали, как Даван и Эрван радостно залаяли. Из хижины тут же выбежали Вэнь-эрню и Вэнь-санья, встревоженные долгим отсутствием.

— Почему вы так долго? Еда, что мы вам оставили, уже, наверное, никуда не годится, — проворчала Эрню, зная, что если зелень держать на плите слишком долго, она становится мягкой и безвкусной, да и её кулинарные таланты, мягко говоря, оставляли желать лучшего.

— Задержались на той стороне, — пояснил Юй Шанчжи. — Сначала думали, успеем вернуться до темноты.

Он с Вэнь Ецаем вдвоём распрягли повозку. Юй Шанчжи отвёл вола в задний двор и загнал в стойло. Убедившись, что в кормушке осталась чистая вода, он насыпал немного свежей травы. Это было настолько привычным движением, что он не сразу вспомнил, как за день вол уже объелся на вольном выпасе. Тот лишь понюхал предложенное и фыркнув отвернулся.

В большой бамбуковой корзине, стоящей сбоку, сидели несколько пойманных в горах зверьков — дикие кролики, бамбуковые крысы и куропатки. Это был улов Вэнь Ецай за день. Юй Шанчжи присел и осмотрел их раны: на каждой была присыпка из трав для остановки крови. Судя по виду, зверьки ещё бодрствовали и не потеряли силы, что его вполне устроило.

Когда он вернулся в главную комнату, еда уже была подогрета и расставлена на столе.

- А куда подевались гольцы? — с лёгкой улыбкой поинтересовался Юй Шанчжи, глядя на Вэнь-эрню.

- Да я бы их только испортила, если бы готовить взялась, — отмахнулась та. — В садке плавают, живы-здоровы.

Она и не думала выяснять, кто именно выдал её кулинарные планы, ведь в их доме никто не держал девочек под строгим надзором, как в некоторых других семьях, где шаг влево, шаг вправо - и уже позор. Да и выстиранную грязную одежду она давно уже развесила сушиться, дело-то житейское.

Из-за того, что пара задержалась, младшие начали тянуться к ним. Хотя они уже и поужинали, всё равно уселись за стол рядом и сыпали вопросами, один за другим.

Но всё, что произошло за день, ни в коем случае нельзя было пересказывать детям. Пришлось съехать на другие темы, чтобы отговориться от расспросов Вэнь-эрню и Вэнь-санья.

Вэнь-санья вдруг бросил задумчивый взгляд на старшего брата, после чего потянул сестру за рукав.

- Вторая сестра, а у тебя платок ведь ещё не дошит?

- Ай, я совсем забыла! — воскликнула Вэнь-эрню и с места сорвалась обратно в комнату искать пальцы. Недавно ее подруга Ху Нью высмеяла за неумелую вышивку, и та в сердцах решила доказать, что за семь дней вышьет бабочку, иначе пообещала три дня срывать для подруги куриный корм. А теперь срок поджимал, а у той бабочки ещё и полкрыла не было.

Вэнь-санья, конечно, пошёл следом. Юй Шанчжи, наблюдая за этим, вдруг смутно понял — мальчик, похоже, всё понял и нарочно отвёл сестру, чтоб не слышала взрослых разговоров. Слишком уж он смыслённый, не по возрасту. Возможно, именно из-за этого и уязвим.

- Ты вон в рисовой каше уже ворон насчитал, — обратился он к Вэнь Ецаю, — если аппетита нет, не мучай себя.

На ужин была рисовая каша с зеленью, жареные овощи и яичница. Вэнь Ецай обычно ел с аппетитом, как буря налетал на еду, а сегодня как подменили - полчашки еле осилил.

- Нельзя, — сказал гер упрямо, — еду оставлять — грех.

Сказал и стал упорно доедать всё до крошки. Через несколько минут всё подчистил.

- Так быстро съел — смотри, чтоб ночью живот не прихватило, — тихо усмехнулся Юй Шанчжи.

Оба - то один, то другой - поочерёдно тянулись за палочками, пока не выбрали со всех тарелок на столе овощи и яйца до последнего кусочка. После этого Юй Шанчжи остался на кухне мыть посуду, а Вэнь Ецай вскипятил котёл воды и принёс его в комнату, чтобы распарить ноги.

Пар от полыни, брошенной в воду, поднимался тонкими клубами, Юй Шанчжи зевнул, едва заметно, и, обернувшись, увидел, как молчаливый сегодня Вэнь Ецай держится за живот.

— Точно, переел, — Юй Шанчжи приложил руку и сразу понял, в чём дело. Спустя немного времени он вылил воду из таза и, вернувшись, уложил Вэнь Ецай на кровать, чтобы самому помассировать ему живот.

На животе у Вэнь Ецай был тонкий слой мягкой плоти, но стоило напрячься, и можно было различить очертания мышц. В сравнении с ним Юй Шанчжи был просто худощавым.

Сначала Вэнь Ецаю было так больно, что он не мог и слова вымолвить, но под заботливыми руками Юй Шанчжи боль вскоре начала отступать. Он потянул Юй Шанчжи лечь рядом, перевернулся и обнял его за руку.

— Что у тебя на уме, расскажи своему мужу? - Юй Шанчжи повернул голову, нежно поцеловал волосы Вэнь Ецай и тихо спросил.

Вэнь Ецай медленно выдохнул:

— Я и сам толком не знаю... Как вы, учёные люди, говорите?.. Жизнь непредсказуема?

Юй Шанчжи услышав это, примерно понял, что тот имеет в виду. Невзирая на все прошлые обиды, связанные с Ван Сяюй, тот ведь тоже живой человек, которого они нередко видели в деревне. Когда с кем-то из знакомых случается беда, трудно не испытать хоть каплю сочувствия.

Но если забыть о том, что уже произошло, Юй Шанчжи всё же больше тревожился о том, что ещё может случиться. Особенно вспоминая взгляд Ван Сяюя перед тем, как он ушёл. Оба погрузились в свои мысли, но это не помешало им лечь под одно одеяло и, тесно прижавшись друг к другу, уснуть в обнимку.

На следующее утро, проснувшись, Юй Шанчжи отправился вместе с Вэнь Ецаем в уездный

город. Настроение у Вэнь Ецая, похоже, уже полностью восстановилось, вчерашняя печаль как будто растворилась без следа. Юй Шанчжи подумал, что характер у Вэнь Ецая очень похож на подсолнечник - золотистый и ясный, всегда знающий, как повернуться к солнцу.

Они очень удачно продали добычу, вероятно, это произошло просто потому, что охотники из окрестных деревень недавно не приносили трофеев. Когда всё закончилось, Юй Шанчжи вспомнил своё обещание Вэнь-санья. Он взял накопленные серебряные монеты и вместе с Вэнь Ецаем направился в книжную лавку.

Для Вэнь Ецая это было совершенно новое место, а те две совсем простенькие книжонки, что сейчас в руках у Вэнь-санья, он получил от школы ещё когда учился. Когда он, необразованный деревенский гер, зашёл в лавку, он едва смог дышать от волнения.

В отличие от него Юй Шанчжи вел себя намного спокойнее. В лавке витал аромат краски и бумаги — такой особенный, притягательный запах. Продавец дремал за стопкой книг, пока Юй Шанчжи не постучал по прилавку.

— Простите, я хотел бы посмотреть то, что пригодится для подготовки к экзамену на младшего ученика («туншицзи»).

По какой-то ошибке продавец решил, что перед ним бедный ученый-самоучка из Лянси. Ведь парень примерно такого же возраста и ещё не удачно сдал экзамен — таких тут много, и продавец не слишком взволнован.

Продавец жестом направил Юй Шанчжи к полке с книгами для подготовки к экзаменам.

— Всё, что вам нужно, вот здесь. Выбирайте, а о цене спросите меня.

Продавец прекрасно понимал, даже если кто-то из деревенских и покупает книгу, то чаще всего это максимум одна, да и ту приходится брать скрепя сердце. Многие бедные ученики вовсе не могут позволить себе такие расходы, поэтому остаётся только переписывать книги в лавке в счёт оплаты. Но по Юй Шанчжи было видно - он не из тех, кто собирается торговаться или работать в долг.

Он стоял перед полкой, задумчиво изучая представленные книги. Несмотря на то, что с виду это были обычные «Цзин», «Ши», «Цзы», «Цзи» — канонические сборники, исторические труды и трактаты — он, будучи человеком из другого мира, совсем не знал, что выбрать.

Пришлось снова позвать продавца и назвать названия двух книг, которые Вэнь-санья уже чуть не зачитал до дыр. Продавец удивлённо приподнял бровь.

— Если он действительно знает наизусть обе эти книги, то уже очень неплохо.

Как человек, каждый день имеющий дело с учениками, продавец хоть сам и не сдавал экзамены, но прекрасно понимал, какие книги подойдут на том или ином этапе подготовки. Пробормотав что-то себе под нос, он встал на цыпочки и снял с верхней полки один том.

— Эта книга подороже, но её написал сам учитель из учебного заведения Циньцзинь в уездном городе. У них там почти у каждого студента, готовящегося к экзамену на «туншэна», есть такая. Наш хозяин с трудом добыл оригинал, а потом нанял людей, чтобы переписать несколько экземпляров.

На вид это и впрямь было что-то вроде методического пособия от известного наставника, вот только Юй Шанчжи не знал, существует ли на самом деле этот самый учитель из «Циньцзинь шу юань».

Он колебался, размышляя, как поступить, и в это время сразу два ученика зашли в лавку именно за этой книгой. Увидев, как последние два оставшихся экземпляра разошлись по рукам, а лица покупателей светились радостью, Юй Шанчжи без промедления сказал:

— Эту последнюю книгу беру я.

Продавец подумал, что хоть этот человек и деревенский, но разбирается в деле, и сразу озвучил цену:

— Четыреста вэней.

Юй Шанчжи уже знал, сколько стоит эта книга. Он вытащил четыре цяня серебра, но прежде чем отдать, вдруг спросил:

— Позвольте поинтересоваться, есть ли у вас книги для начального обучения малышей?

Продавец, не раздумывая, привычным движением достал несколько томов:

— Вот, всё это для начального обучения. Сто вэнь за каждую.

Юй Шанчжи пролистал все по очереди и в конце выбрал ту, что напоминала «Тысячесловие».

Вэнь Ецай совершенно не понимал, что именно покупает его муж, но две тонкие книжки за пятьсот вэнь показались ему возмутительно дорогими, чуть ли не грабежом.

— Благодарю за щедрую покупку, всего пять цяней серебром, — с довольной улыбкой объявил продавец, быстро пересчитал сдачу и ссыпал серебро в кассу.

— Молодой господин, у нас ещё есть популярные повести и иллюстрированные книжки. Хотите взглянуть?

Юй Шанчжи лишь отмахнулся, давая понять, что в прочих книгах нет нужды. Скромные сбережения стоит тратить с умом, на то, что действительно важно.

Выйдя из книжной лавки, Вэнь Ецай наконец взял книги в руки и начал их листать. Но стоило взгляду скользнуть по плотным строчкам иероглифов, как все они в его глазах превратились в мелких головастиков, что заплясали перед глазами, вызывая головокружение.

— Пропал я, — простонал он. — Похоже, у меня врождённая морская болезнь на письменность.

Не успел он договорить, как услышал спокойный голос Юй Шанчжи:

— Эта книга, написанная учёным из Шуюаня, конечно, предназначена для Санья. А вот вторая...

Он легко постучал ею по голове супруга.

— С завтрашнего дня ты и Эрню будете вместе со мной учить по пять иероглифов в день.

— Учиться грамоте? — Вэнь Ецай тут же стал похож на того типичного ученика, что только и ищет повод, чтобы сбежать с урока. При одном упоминании о грамоте он весь передёрнулся. — Я же не врач, на экзамены не собираюсь, зачем мне вообще учиться? Жил же до сих пор, и ничего, не умер от своей неграмотности.

Он поспешно выхватил у Юй Шанчжи книгу и аккуратно завернул её в ткань.

— Я уже не ребёнок, поздно мне учиться. Лучше уж Эрню поучить, она у нас вечно как бесёнок, может, если начнёт читать, то и поумнеет немного. А там, глядишь, и в хорошую семью выйдет замуж, вот и мне будет спокойнее.

Увидев, что Вэнь Ецай уклоняется от прямого ответа, Юй Шанчжи взял в руки завернутый в ткань сверток с книгой.

- При чем тут возраст? Есть ведь люди за пятьдесят, а то и за шестьдесят, что вместе со внуками готовятся к вступительным на туншэнов. Умение читать и писать нужно не только для экзаменов. Даже в быту это очень удобно: хочешь купить поле или дом, договоры ты сам прочтёшь и не позволишь обмануть себя.

Вэнь Ецай, стоя рядом, почесывал в затылке. Он, разумеется, понимал, насколько полезно быть грамотным, иначе почему простой учёный, вроде Тан Вэня, не имеющий ни чинов, ни титулов,

пользуется всеобщим уважением? Почему в семье Сюй даже девочек и геров всегда отправляют в школу на несколько лет?

Даже если крестьянская семья не стремится к чиновничьей карьере, всегда можно, как когда-то Кон И, устроиться на службу в уезд, и получать по несколько лян серебра в месяц. Всё это он понимал, но стоило представить себя сидящим за столом с книгой или кистью в руке, как казалось, будто в заднице колют иглы.

Юй Шанчжи уловил его нежелание и мягко сказал:

— Начнём с самого простого, сначала выучим, как пишется твоё имя.

Услышав это, Вэнь Ецай наконец-то заинтересовался:

— Тогда и твоё имя я тоже хочу выучить.

Юй Шанчжи кивнул, подумал немного и добавил:

— У нас тут почти закончилась бумага из тутовой коры, как раз заодно и купим.

По пути в лавку канцтоваров они заговорили о дне рождения Вэнь-санья. Его день рождения приходился на девятнадцатое апреля, но с самого его рождения его ни разу не отмечали. Хотя в деревенских семьях празднование дня рождения сводилось в лучшем случае к варёному утром яйцу, а если позволяли средства, то и к тарелке пшеничной лапши долголетия вечером, приготовленной на белой муке.

— Он с рождения был слаб здоровьем, — сказал Вэнь Ецай. — Старики в деревне тогда говорили, что такие дети не выживают, и самое главное — ни в коем случае не отмечать день рождения. Так что каждый раз, когда наступал тот день, дома даже не заговаривали об этом. Позже, когда Санья подрос и стал всё понимать, мы с Эрню боялись, что ему будет обидно, и просто перестали праздновать и свои дни рождения.

Вспомнил он об этом потому, что теперь, под заботой Юй Шанчжи, здоровье Вэнь-санья заметно укрепилось, и он был уверен — всё будет в порядке. Раз так, почему бы в этом году не отпраздновать день рождения как следует и не восполнить прошлые упущения?

— Я вот подумал, раз уж мы сейчас в уезде, стоит выбрать для Санья какой-нибудь подарок ко дню рождения.

Юй Шанчжи, разумеется, с этим согласился, а потом добавил:

— В этом году ты и Эрню тоже обязательно отметите свои дни рождения.

Вэнь Ецай вдруг вспомнил, что раньше, когда родители были живы, только они помнили о его дне рождения. К счастью, теперь у него есть муж.

— Жаль только, что в этом году твой день рождения уже прошёл, — сказал Юй Шанчжи. — Значит, отпразднуем в следующем.

У прежнего хозяина тела день рождения приходился на июнь, а у самого Юй Шанчжи - на первый месяц года.

Они свернули и вошли в лавку канцелярских принадлежностей. Бумага из тутовой коры, считавшаяся низкосортной, лежала прямо у входа, сложенная в стопки прямо на полу. Поскольку они приехали на бычьей повозке, а бумага уходит быстро, Юй Шанчжи сразу заказал пять связок.

Немного хорошей сюаньской бумаги он тоже взял. В детстве, когда он учился писать кистью, дед всегда твердил ему: «Мастерство требует хорошего инструмента». Хоть палкой по песку и можно писать, но только хорошими кистью и бумагой можно достичь настоящей эффективности.

Теперь, когда экзамены кэцзюй требовали от учеников освоения «тайгэтии» — официального канцелярского стиля, отличающегося строгой прямолинейностью и чёткостью, — это стало особенно важно, ведь стиль был разработан для удобства чтения экзаменационных работ проверяющими.

Юй Шанчжи уже видел, как пишет Вэнь-санья, в его почерке уже угадывались зачатки «тайгэтии», поэтому он и подумал, что день рождения — хороший повод подарить ему качественные кисти и бумагу. Так он сможет как следует практиковаться дома и не отстанет в учёбе, когда вернётся в школу.

Писать на хорошей и грубой бумаге - ощущения совершенно разные.

— Можно ли взглянуть на те несколько кистей? — спросил он.

Юй Шанчжи указал на несколько кистей за прилавком. Когда помощник достал их, он взял одну и начал внимательно рассматривать. Спустя некоторое время он выбрал кисть с бамбуковой ручкой и смешанным ворсом, её мягкость была средней, между козьей шерстью и волчьим волосом, что делало её особенно подходящей для ребёнка.

Вэнь Ецай не разбирался в выборе кистей и сюаньской бумаги, но это не помешало ему заметить в лавке одно деревянное пресс-папье. Края у него были тщательно отполированы, а сверху были вырезаны четыре иероглифа. Вспомнив, как Вэнь-санья дома использует в качестве пресс-папье обычный камень, Вэнь Ецай не задумываясь взял его в руки.

— Муж, а что тут написано?

Юй Шанчжи опустил взгляд:

— «Цзюньцзы шэнь ду» — «Благородный муж осторожен в уединении». Хороший смысл.

Вэнь Ецай почесал голову, даже когда Юй Шанчжи тут же объяснил значение, он всё равно понял только наполовину.

— Раз так, куплю это и подарю Санья на день рождения.

Они закупили всё необходимое, потратив на это шесть цяней серебра. Причём дороже всего обошлась даже не пресс-папье и не кисть, а та маленькая стопка ослепительно белой сюаньской бумаги. В те времена бумажное производство ещё не было достаточно развито, и чем меньше в бумаге было примесей, тем выше была цена. Эта же бумага действительно напоминала застывший жир — гладкая и плотная. Вэнь Ецай, глядя на свои заусенцы на пальцах, даже не осмеливался к ней прикоснуться. Они аккуратно положили бумагу в надёжное место, ведь, казалось, если согнёшь уголок, потеряешь сразу два вэня, а на них ведь можно купить яйцо.

Не успели они отойти далеко, как у дороги заметили небольшой лоток - брат с сестрой продавали шёлковые цветы. Поскольку брат был гером, на голове у обоих очень броско и нарядно красовались по одному цветку.

— Давай подойдём, купим Эрню парочку, — предложил Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай знал, что Юй Шанчжи боится, как бы Эрню не почувствовала себя обделённой, если подарки достанутся только Санья. Его муж всегда всё продумывает до мелочей и, порой, справляется с ролью старшего брата даже лучше него самого.

Шёлковые цветы были ценны из-за самой ткани и тонкой ручной работы — один такой стоил тридцать вэнь. Когда они выбрали подходящие цвета, юный продавец, услышав, что супруги покупают цветы для младшей сестрёнки, с улыбкой спросил:

— А господин себе не хочет выбрать цветок?

Вэнь Ецай поспешно замахал руками, он и представить себе не мог, как будет выглядеть с цветком в волосах. Пожалуй, Юй Шанчжи с заколотым цветком и то смотрелся бы уместнее.

Они взяли три цветка. Осмотревшись, поняли, что в доме всё необходимое есть, и в ближайшее время ничего докупать не нужно. Ближе к полудню, солнце уже припекало нещадно. Вэнь Ецай вытер с макушки испарину и сказал:

— Сейчас на жаре ехать обратно только измучаемся. Может, поедим где-нибудь перед дорогой?

Он вспомнил, что Юй Шанчжи, приехав сюда, ещё ни разу не ел по-настоящему в местном ресторане, и, повернув повозку в переулок, указал на одну придорожную забегаловку:

— У них вкусно готовят. Когда отец с матерью были живы, мы с ними сюда захаживали раз-другой в год. Столько лет прошло, а они всё ещё работают.

Юй Шанчжи проследил за его взглядом и увидел небольшой уличный закуток, над крышей которого нависала вывеска с крупным иероглифом «酒» — «вино».

— Тогда идём поедим, — согласился Юй Шанчжи. — А обратно я сам поведу повозку.

Вэнь Ецай радостно отозвался, но не успели они повернуть за угол, как случилось непредвиденное.

На улице, где всё шло своим чередом, старик, торговавший дровами, толкал перед собой тележку, нагруженную сухими ветками, и, согнувшись, медленно продвигался вперёд. Кто ж мог подумать, что из ниоткуда появится несколько мужчин, чуть не столкнувшись с этим стариком. Старик в панике попытался увернуться, но тележка потеряла равновесие, и, завалившись в сторону, врезалась прямо в их повозку.

— Простите! Простите! — старик принялся торопливо извиняться перед Юй Шанчжи и Вэнь Ецаем. Но один из тех мужчин вдруг рявкнул:

— Слепой, что ли, старый хрыч! Ты что, не видишь, перед кем надо извиняться? Перед своим дедушкой, вот перед кем!

С этими словами он с размаху пнул тележку, сбив на землю почти все дрова. Поведение этого человека было вопиюще наглым, Юй Шанчжи тут же нахмурился.

Вэнь Ецай оказался куда вспыльчивее и уже собирался броситься вперёд, но старик вдруг отчаянно начал ему подмигивать и посылать предупредительные взгляды.

Вэнь Ецай и сам заподозрил, что тут что-то нечисто, и в конце концов сдержался.

Когда те мужчины ушли, старик тяжело вздохнул и вновь заговорил:

— Простите, господа, доставил вам хлопот...

— Что вы, уважаемый, — тут же возразил Юй Шанчжи. — Ведь это те наглецы первыми начали провоцировать.

Он наклонился, помогая старому торговцу собирать упавшие дрова, а Вэнь Ецай поднял ещё большую вязанку и, укладывая её на тележку, спросил:

— Старик, вы, похоже, знаете ту шайку. Почему выглядели так, будто боитесь с ними связываться?

Старик с горечью усмехнулся:

— Вы, видно, не местные... Посмотрите на их одежду — это всё люди из дома Цянь-юаньвая.

С этими словами всё стало понятно без лишних объяснений.

Когда вся охапка хвороста вновь оказалась на телеге, старик поблагодарил их ещё несколько раз, а потом снова, в той же смиренной позе, медленно потащил тележку прочь.

Юй Шанчжи покачал головой, не говоря ни слова. Он уж думал, что за важные господа шли с такой пышной важностью, а оказалось, обычные нахальные слуги из богатого дома.

Вэнь Ецай сказал:

— В тот день я видел, как госпожа Цянь вела себя очень прилично и благовоспитанно, не думал, что у них в доме такие мерзавцы водятся.

Юй Шанчжи с сожалением ответил:

— Цянь-юаньвай самый богатый во всей округе, тут уж не уследишь за каждым, кто прячется за его именем, чтобы давить на людей.

Эта история, пусть и невольно, испортила им настроение перед обедом, но, зная, что с этим заведением у Вэнь Ецай связаны тёплые воспоминания, Юй Шанчжи всё же захотел его попробовать.

Вскоре они подъехали к входу, остановили повозку под большим деревом, крепко её привязали и попросили помощника из заведения приглядеть за ней.

Но стоило войти внутрь, как Юй Шанчжи заметил в углу за ажурной перегородкой нескольких до боли знакомых личностей.

— Что за невезение... — пробормотал он. — И эти уроды как раз сюда на обед пришли?

По ту сторону ширмы сидели те самые слуги из дома Цяней, что совсем недавно оскорбляли старика с дровами. Похоже, главарь из них был за старшего и устраивал угощение - он с размаху хлопнул ладонью по столу и заорал:

— Эй, у вас тут что есть из хорошего вина и закусок? Всё неси! Если мои братья не наедятся как следует, не обессудь, сам виноват будешь!

Мальчишка-официант от страха чуть не упал, сразу же заискивающе заулыбался:

— Сейчас-сейчас, сейчас всё подам! Господа останутся довольны, обещаю!

Юй Шанчжи видел, как у Вэнь Ецяя от злости уже буквально пар из носа идёт, и тихо спросил:

— Может, в другое место пойдём?

Вэнь Ецай немного подумал, а потом покачал головой:

— Нет, будем есть здесь.

Выбраться в уезд уже редкость, а возможность нормально поесть и вовсе выпадает нечасто. Сегодня случай подходящий, и ему действительно хотелось, чтобы Юй Шанчжи попробовал блюда именно этой закускойной.

Официант, отбившись от той наглой компании, весь в поту подбежал к ним и, не дожидаясь, пока они скажут хоть слово, тут же усадил их за стол как можно дальше от шумной компании. Юй Шанчжи удивился такой предусмотрительности, но сразу понял: с той компашкой никто не захочет сидеть рядом, и любой гость постарается держаться от них подальше.

К счастью, до самого момента заказа всё проходило спокойно. Юй Шанчжи огляделся — закуская явно существовала уже не первый год, на стене висели деревянные таблички с названиями фирменных блюд, но, понимая, что большинство местных читать не умеют, оглашать меню всё равно приходилось устно.

Когда официант перечислял блюда, при словах «остро обжаренные куриные потроха» у Вэнь Ецяя заметно дернулся кадык, он явно сглотнул слюну. А потом бросил в сторону Юй Шанчжи умоляющий взгляд, полный надежды.

Но тот, не дрогнув, как строгий судья, холодно произнёс:

— Ты ведь ещё пьёшь лекарства. Острое тебе нельзя.

Услышав вполне ожидаемый отказ, Вэнь Ецай тут же опустил плечи и сник:

— Тогда возьмём тушёные фрикадельки из редьки.

Сказал и, вытянув обе руки, улёгся на стол, изображая полную покорность судьбе:

— Остальное заказывай ты. Нам вдвоём трёх блюд хватит.

Юй Шанчжи добавил к заказу тушёное мясо с листьями тофу, овощное ассорти, обжаренное на пару, две порции белого риса и чашку сладкого пудинга из тофу с коричневым сахаром.

Когда еду подали, он стал утешать Вэнь Ецай:

— Лекарства ты пьёшь до конца месяца, потом будет перерыв на несколько дней. Вот тогда и наешься острого, сколько влезет.

Вэнь Ецай тут же оживился, вскинул голову, расплылся в улыбке:

— Я так и знал, что ты у меня самый лучший!

А потом, облизывая губы, спросил с надеждой:

— А сегодня можно выпить? Только сладкого рисового вина!

Ответ, разумеется, был — нельзя.

Первым подали сладкий пудинг из тофу, и Юй Шанчжи подвинул его к Вэнь Ецаю:

— Забудь про своё сладкое вино. Вот, это тоже сладкое, съешь лучше это.

Да, острого не поесть и вина не попить, но сладкий тофу с коричневым сахаром тоже неплохая компенсация.

— В детстве я это обожал, — с ностальгией сказал Вэнь Ецай, зачерпнул ложкой пудинг, но не стал есть сам, а протянул ложку к губам Юй Шанчжи: — Ты тоже попробуй.

Пудинг был нежным, с мягким бобовым ароматом, а поскольку стояла жара, в этом заведении

его охлаждали в колодезной воде, так что на вкус он был особенно освежающим и приятным.

Правда, Юй Шанчжи сладкое не особенно любил, разве что во время болезни, когда Вэнь Ецай кормил его цукатами и сладкими отварами, но в остальное время к сахару он был равнодушен.

Они ели молча, не спеша, и вскоре все блюда оказались на столе.

С приближением обеда в закусную подтянулось ещё несколько посетителей, но некоторые, заметив у входа слуг в одежде с гербом Цяней, только махнули рукой официанту и даже не стали заходить. Сами эти слуги, мало того что ели и пили, так ещё и шумели на все помещение, мешая другим гостям спокойно обедать.

Вэнь Ецай скосил глаза в их сторону, на лице появилась явная неприязнь. Зато он заметил, что еда пришлась Юй Шанчжи по вкусу — его маленький доктор обычно ел немного, но сегодня даже добавки риса попросил.

Юй Шанчжи с трудом доел оставшиеся овощи и переключился на рис, но тут Вэнь Ецай снова подложил ему на тарелку пару кусочков:

— Не заботься только обо мне, ешь сам.

— Это моя вина, — улыбнулся Вэнь Ецай. — Привычка осталась.

Раньше, когда Юй Шанчжи ничего не видел, Вэнь Ецай за каждым приёмом пищи подкладывал ему еду, и со временем это стало почти инстинктом, отпечатавшимся в подкорке.

Надо признать, готовили здесь действительно вкусно — неудивительно, что эта небольшая закусная держится столько лет.

К моменту, когда последние куски с трёх тарелок были подчистую съедены, оба уже чувствовали насыщение. Для крестьян, знающих цену каждой крошке, оставить еду — почти грех. Они сполоснули рот простой заваркой и уже собирались пойти к стойке, чтобы расплатиться, как вдруг краем глаза заметили, что шумная компания за ширмой тоже поднялась с места.

К удивлению, ни один из них даже не подумал заплатить. Один за другим они направились напрямик к выходу. Официант заметно растерялся и в панике оглянулся на хозяина, стоящего за прилавком.

Наконец, хозяин с тяжёлым вздохом собрался с духом и решительно вышел вслед за ними.

— Господа, вы ведь ещё за еду не расплатились...

Но не успел он договорить, как тот самый грубый задира, идя впереди, оборвал его:

— Ты что, считаешь меня бессовестным? Думаешь, я не знаю, что нужно платить? Запиши на мой счёт, в конце месяца всё отдам!

Сказал так, будто был здесь постоянным клиентом. Однако по выражению лица хозяина было ясно: к постоянным его точно не отнесёшь.

— Уважаемый, мы — маленькое заведение, — с отчаянием попытался возразить хозяин. — У нас, как заведено, всё строго — в долг не отпускаем...

Слова эти только подлили масла в огонь. Мужчина зло усмехнулся:

— Не даёте в долг? Тогда с сегодняшнего дня у вас новые правила!

С этими словами он едва заметно склонил голову и метнул взгляд на одного из своих людей — молодого парня. Тот тут же завыл, схватившись за живот, будто в страшных муках. Этот наигранный жест не ускользнул от взгляда Юй Шанчжи. В следующую секунду вся компания подскочила к нему, притворно суетясь, а тот только и твердил, что у него сильно болит живот.

Грубиян с видом человека, уличившего кого-то в тяжком преступлении, указал на парня, который корчился на земле, и заорал на хозяина закусочной:

— Вот так номер! Ты, гнида черноротая, накормив моего брата тухлятиной, ещё осмеливаешься требовать плату?!

У дверей закусочной моментально собралась толпа — люди тыкали пальцами, обсуждали, перешёптывались, возбуждённо жужжали.

А затем произошло нечто совсем уж странное: один за другим, все из той самой компании — включая главаря, что собирался отвертеться от оплаты — начали хвататься за животы и валиться на землю. Каждый из них корчился, будто от дикой боли, и, задыхаясь, выкрикивал:

— Чертова забегаловка! Вы нас чем-то отравили! Теперь платите нам!

Вся закусончая всколыхнулась — поднялся шум, люди в панике отодвигали тарелки, смотрели на еду с тревогой. Все, кроме Юй Шанчжи и Вэнь Ечая, кто уже доел и собирался расплатиться, тут же прекратили трапезу.

Хозяин, мужчина лет сорока с лишним, явно был ошарашен внезапной выходкой, но, как человек, державший заведение почти десять лет, всё же сумел быстро взять себя в руки. Он громко и решительно произнёс:

— Моя закусовая — одна из старейших в Лянси. За все эти годы соседи и постоянные клиенты могут подтвердить: у нас ни разу не было проблем с едой!

Из толпы снаружи вдруг вынырнул какой-то подстрекатель и громко выкрикнул:

— А как же тогда объяснить этих? Если бы один человек животом мается, можно было бы списать на случайность, но целая группа! Явно в вашей еде что-то не так!

И тут же обернулся к посетителям внутри:

— Эй, остальные, бегите кто может! Это заведение гнилое, дальше только хуже будет! Никогда сюда не возвращайтесь!

На взгляд Юй Шанчжи, всё происходящее выглядело слишком слаженно, как будто эта сцена была заранее подстроена с целью дискредитировать заведение.

Но прохожие, не зная предыстории, лишь толпились у входа, вытягивали шеи и с интересом наблюдали за разворачивающимся спектаклем, такой переполох в уезде случался нечасто.

Даже если Юй Шанчжи сразу заметил подвох, владелец закусовой и подавно не мог не распознать подвох. Но как бы то ни было, он не мог позволить себе сдать, слишком многое стояло на кону: репутация, выстраиваемая годами, и имя его заведения.

Спустя минуту он позвал одного из своих официантов и приказал:

— Беги в ближайшую лечебницу, зови лекаря! Пусть он осмотрит этих людей и выяснит, действительно ли дело в еде.

Официант было рванул к выходу, но вся дверь уже была перекрыта шайкой забияк. Один из них, не медля, схватил его за ногу и потянул назад - официант оступился и чуть не упал.

— Кто посмеет сбежать? — заорал главарь, вцепившись в стойку. — Или вы платите, или закрываете заведение! А если нет - мы здесь останемся насовсем!

Только что корчились от боли, а теперь не дают даже за лекарем сходить - настолько топорно и неубедительно они играли, что Юй Шанчжи едва сдержал смех. Вспомнив, как эта же шайка недавно издевалась над стариком с дровами, он бросил Вэнь Ецаю успокаивающий взгляд и твёрдо заявил:

— Уважаемый хозяин, хотя я не великий мастер, но я — врач. Если у вас нет возможности послать за другим, я могу сам осмотреть этих господ.

Все в зале, включая праздных зевак у входа, замерли от изумления. А те, кто секунду назад катался по полу, как по команде, переменялись в лице. Как же так? Столько всё было просчитано, а вот не учли, что среди посетителей может оказаться настоящий врач!

Да и сам Юй Шанчжи, судя по лицу, совершенно не боялся того, с кем имел дело. Он не отвёл взгляда от главаря шайки, вызывающе глядя ему прямо в глаза.

С собой у него не было ящика с лекарствами, но, как любой практикующий медик, он всегда носил с собой футляр с иглами. Он достал его и вытащил несколько длинных серебристых игл, которые холодно заблестели в руке.

С каждым шагом Юй Шанчжи серебряные иглы в его руке всё отчётливее отражались в глазах притихших зачинщиков, заставляя их выражения меняться с каждым двумя шагами.

Кто-то из валявшихся на полу незаметно отодвинулся назад — и правда, от этого простого на вид молодого лекаря веяло какой-то внутренней мощью, с которой не хотелось связываться.

— Уважаемые господа, — спокойно проговорил Юй Шанчжи, — у меня есть родовой метод иглоукалывания. Могу ввести иглы, чтобы снять боль. Кто хочет быть первым?

Один из мужчин, похоже, особенно боялся игл. Окинув взглядом скромную одежду Юй Шанчжи, он усмехнулся и воскликнул:

— А с чего это мы должны верить какому-то деревенскому костоправу без усов?! Кто знает, может, ты с этим хозяином сговорился!

Юй Шанчжи чуть приподнял бровь:

— Уважаемый, глядя на вас, вижу, что лицо румяное, голос бодрый, дыхание полное — никак не похоже, что вы отравились. Может, хотите, я проверю пульс? Вдруг у вас другое скрытое заболевание?

— Пф-ф! Это у тебя заболевание! И у всей твоей семьи! - завопил он так, что звучал ещё бодрее.

Тем временем в толпе на улице кое-кто начал догадываться, в чём дело:

— Если уж у кого живот болит, то или понос, или рвота — а эти всё катаются и катаются, мол, больно им, да что-то ни один не выглядит по-настоящему страдающим.

— Верно говорят, — подхватил другой. — Сильные здоровые мужики только и делают, что орут. А если бы еда действительно была испорчена - почему с остальными посетителями всё в

порядке? Еда-то у всех из одного котла.

Толпа начала перешёптываться всё громче, и ветер явственно начал меняться.

Юй Шанчжи хладнокровно наблюдал за смутившимися зачинщиками, ожидая, какой будет их следующий ход.

И как назло, именно в этот момент к закусочной, привлечённые шумом и толпой, подошли патрулирующие улицу стражи.

— Расступись! Кто здесь буянит?!

Толпа тотчас же отпрянула, уступив дорогу двум стражникам с саблями на боку.

Увидев их, Вэнь Ецай поначалу обрадовался — после того случая, когда Юй Шанчжи подвергся шантажу со стороны Ли Эра и свахи Хуа, эти же городские стражи быстро навели порядок, а позже суд поступил по справедливости.

Но его радость быстро сменилась тревогой: хозяин закусочной, вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, лишь тяжело вздохнул и понурился, будто понял, что теперь всё действительно плохо.

Сердце Вэнь Ецай сжалось. Он бессознательно шагнул вперёд и встал рядом с Юй Шанчжи.

А вот слуги из дома Цяней, напротив, воспряли духом словно увидели спасение.

— Господа Лю, Ю, — расплылись они в улыбке, — рассудите нас по справедливости!

И лица, только что искажённые наглой злостью, вдруг преобразились в лживое заискивание.

— Цзиньху? Это ты? — удивлённо отозвался один из стражников.

Два стражника бегло осмотрели харчевню, после чего их взгляды вновь остановились на здоровяке по имени Цзиньху.

— Ну, выкладывай, что случилось? Шум на весь квартал, срамota какая. Ты что, не знаешь, что до уездной управы тут всего две улицы? Если начальство узнает, нам самим достанется!

— Да-да-да, конечно, — заторопился Цзиньху, кланяясь, забыв, что только что якобы корчился от боли в животе.

Но стоило окружающим увидеть, с какой непринуждённой фамильярностью он общается со стражами, как даже те, кто прежде сомневался, предпочли промолчать — связываться с человеком, у которого есть «свои» в управе, никто не хотел.

Цзиньху, не теряя времени, пустился в наглую болтовню, приукрашивая события и перевирая факты с полной уверенностью в своей безнаказанности.

Хозяин закусочной отчаянно пытался возразить, то и дело восклицая:

— Это ложь! Это чистый навет!

Но один из стражников по фамилии Юй раздражённо махнул рукой:

— У нас нет времени слушать, кто прав, кто виноват. Раз так, все отправляемся в управу. Там и разберёмся.

С этими словами оба сделали шаг вперёд, намереваясь всех «пригласить» к допросу.

Хозяин закусочной был в отчаянии, ещё утром всё шло своим чередом, а теперь на голову свалилось такое несчастье. Он уже не знал, за что хвататься, и в порыве беспомощности указал на Юй Шанчжи.

— Господа стражи, прошу разглядеть правду! — поспешно заговорил хозяин закусочной. — Этот господин — врач, он сам сказал, что у этих людей нет признаков болезни! Я всего лишь прошу осмотреть их и доказать мою невиновность!

Стражник, уже было собиравшийся хватать за плечи, приостановился и перевёл взгляд на Юй Шанчжи, внимательно окинул его взглядом с головы до ног, потом почесал подбородок и спросил:

— Ты действительно врач?

Юй Шанчжи, хотя и оставался настороженным, всё же сдержанно поклонился:

— Да, я врач.

Казалось бы, разумный довод, подтверждённый профессионалом, должен был хоть немного повлиять на исход. Однако вместо этого стражник грубо бросил:

— Раз так, и ты с нами. В ямен пойдёшь, будешь давать показания!

<http://bllate.org/book/13600/1205961>